

стояние государства, обеспечивающее реализацию суверенитета, основывается на согласовании национальных интересов с общечеловеческими, глобальными интересами.

При соотношении международной и национальной безопасности можно сделать вывод, что это явления социальной жизни. Международная безопасность выражает состояние международных отношений, а национальная безопасность выражает состояние защищенности национальных интересов государства. Национальная безопасность государства нацелена прежде всего на национальные потребности и интересы, а международная безопасность – на потребности и интересы мирового сообщества, которые способны вступать в противоречие с национальными. В этой связи понятие международной безопасности не может сливаться с понятием национальной безопасности. Вместе с тем безопасность отдельного государства зависит от обеспечения безопасности всех государств, безопасность всех предполагает безопасность каждого государства, что свидетельствует не только о пересечении международной безопасности с безопасностью национальной, но и об их взаимодействии.

Список использованных источников

1. Овчинников, А.И. Основы национальной безопасности : учеб. пособие / А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2016. – 235 с.

Дата поступления в редакцию: 06.04.20

A.I. Borodich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Constitutional and International Law Academy of the MIA of the Republic of Belarus

RELATIONSHIP OF INTERNATIONAL AND NATIONAL SECURITY

The attention is focused on the example of international law, on the reflection of its priority in the Basic law. It is underlined the importance of identity complying in international relations between large and small states. The relationship between international security and national security is considered, their structure is revealed and the common features between them are examined.

Keywords: international security, national security, cooperation between states, security facilities, sovereignty, internal and external threats.

УДК 347.135

*A.V. Voituly, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: a.voitul@tut.by)*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОРМЫ СДЕЛКИ, СОВЕРШАЕМОЙ ПРИ ПОМОЩИ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ

Исследуются вопросы определения формы сделки, совершаемой при помощи электронных средств. Аргументируется тезис о том, что использование электронных средств не является формой волеизъявления лица, совершающего сделку. На основе анализа положений законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран, норм международного права и научных подходов вносятся предложения по совершенствованию правовой регламентации использования электронных средств при совершении сделок.

Ключевые слова: волеизъявление, информационно-коммуникационные технологии, конклюдентные действия, форма договора, форма сделки, электронный документ.

Институт сделки является одним из основополагающих институтов гражданского права, а понятие «сделка» выступает базовым понятием юриспруденции, обозначающим «важнейший из юридических фактов, на котором зиждется жизнь права» [1, с. 711]. Известно, что сделка представляет собой действие (выражение воли), направленное на достижение правового результата (установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей). Соответственно, форма сделки есть ни что иное, как форма выражения воли совершающего ее лица. В обыденной жизни люди относительно свободны в выборе формы выражения собственной воли. Однако

значимость правовых последствий совершения сделки обуславливает необходимость законодательного закрепления определенных требований к форме данного волеизъявления. При этом, устанавливая требования к форме сделки, законодатель стремится соблюсти разумный баланс между обеспечением устойчивости гражданского оборота и сохранением диспозитивности правового регулирования частных отношений.

Изучению формальных требований, предъявляемых к сделке, в правовой науке традиционно уделялось значительное внимание (М.М. Агарков, С.С. Алексеев, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Ф.И. Гавзе, К.А. Граве, Д.В. Дождев, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, Д.И. Мейер, И.Б. Новицкий, В.А. Ойгензихт, К.П. Победоносцев, О.Н. Садилов, В.И. Синайский, Е.А. Суханов, В.А. Тархов, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина, Б.Л. Хаскельберг, В.Ф. Чигир, Г.Ф. Шершеневич, А.М. Эрделевский и др.).

В научных трудах дореволюционных авторов подчеркивалось, что с развитием общества и переходом «от старого права к современному» требования к форме сделки претерпевают существенные изменения [2, с. 49–50; 3, с. 160]. Данный тезис справедлив и в настоящее время, когда актуальность вопросов определения надлежащей формы сделки обусловлена широким распространением информационно-коммуникационных технологий и цифровизацией гражданского оборота. По информации Белстата, если в 2011 г. для взаимодействия с потребителями сеть Интернет использовали 30,8 % организаций, а для взаимодействия с поставщиками – 39,5 % организаций, то в 2018 г. удельный вес таких организаций составил 76,3 % и 86,4 % соответственно [4]. Расчетные сделки, биржевые сделки, закупки товаров, работ и услуг, потребительские договоры и многие другие сделки сегодня совершаются именно при помощи электронных средств. Так называемые «click-wrap соглашения»¹ заключаются фактически повсеместно и стали уже привычным явлением [5].

Однако законодательство и правовая наука не успевают за столь бурным развитием информационно-коммуникационных технологий. Вопрос определения формы сделок, совершаемых при помощи электронных средств, по-прежнему остается открытым. В юридическом сообществе нет единого мнения о том, как гармонично и непротиворечиво дополнить электронной формой существующее на протяжении тысячелетий цивилистическое учение об устной и письменной формах сделки.

Содержание научных публикаций по исследуемой проблематике свидетельствует о формировании в юриспруденции двух основных подходов к определению формы сделки, совершаемой при помощи электронных средств. Приверженцы первого подхода рассматривают форму данной сделки в качестве разновидности письменной формы [6, с. 261; 7, с. 45]. Второй – противоположный – подход заключается в выделении «электронной формы сделки» или «дистанционной формы сделки» в качестве новой формы волеизъявления наряду с устной и письменной формами сделок [8, с. 136; 9, с. 65].

Следует отметить, что законодатель последовал первому подходу: в 2018 г. внесены изменения в ст. 161 «Письменная форма сделки» и ст. 404 «Форма договора» Гражданского кодекса Республики Беларусь, согласно которым форма сделки (договора), совершаемой (заключаемого) при помощи электронных средств, приравнена к простой письменной форме и поименована как документ в электронном виде. Аналогичные изменения в 2019 г. внесены в ГК Российской Федерации. Согласно п. 1 ст. 160 «Письменная форма сделки» ГК РФ письменная форма сделки считается соблюденной в случае совершения сделки с помощью электронных либо иных технических средств. В п. 2 ст. 434 «Форма договора» ГК РФ закреплено, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления или обмена электронными документами.

Кроме того, в Российской Федерации ранее предпринимались попытки принятия специального закона, регламентирующего совершение сделок при помощи электронных средств в сфере предпринимательства, – проект Федерального закона от 16 ноября 2000 г. № 27813-3 «О сделках, совершаемых при помощи электронных средств (об электронных сделках)». Данный проект предусматривал, что электронная сделка при условии ее соответствия установленным требованиям считается совершенной в простой письменной форме.

В то же время достаточно убедительны аргументы приверженцев второго подхода, придерживающихся мнения о необходимости выделения самостоятельной «электронной формы сделки». Например, Л.Г. Ефимова указывает на следующие особенности:

¹ Принятие условий договора посредством нажатия на кнопку «Я согласен», «I Assent» и их вариаций.

невозможность восприятия человеком электронной формы в ее первоначальном виде, представляющем собой набор электромагнитных импульсов;

использование динамического гипертекстового электронного документа, который связывает стороны сделки друг с другом и другими лицами, а также с различными источниками информации (базами данных) способами, которые невозможно представить на бумажном носителе;

разнообразные способы аутентификации сторон сделки в электронной форме – факсимиле, электронная подпись, шифр, персональный идентификационный номер (PIN-код) и др. [8].

Тем не менее приведенные доводы только свидетельствуют о недостатках выбранного законодателем подхода, однако не доказывают тот факт, что «электронная форма сделки» является самостоятельной формой наряду с устной и письменной формами сделки.

На наш взгляд, терминологическое словосочетание «электронная форма сделки» не согласуется с понятийно-категориальным аппаратом юридической науки и не может быть использована для наименования самостоятельной формы сделки. Дело в том, что сложившаяся система форм сделки (устная и письменная с возможностью конклюдентных действий) обусловлена способностью человека как биосоциального существа выражать свою волю и воспринимать чужую волю с помощью органов чувств. Мы можем произнести слова и услышать их – устная форма сделки; изобразить графические символы и прочесть их – письменная форма сделки; своим поведением согласиться на сделку и воочию убедиться в этом – конклюдентные действия. Однако сегодня мы не способны самостоятельно генерировать электрические сигналы и воспринимать их, т. е. не можем выражать свою волю и воспринимать чужую в электронной форме. Соответственно, выделение электронной сделки в качестве самостоятельной формы выражения воли наравне с устной и письменной формами является ошибочным, так как противоречит биологической природе человека. Современные технические средства лишь позволяют передавать, хранить и отображать информацию о нашем волеизъявлении, которое осуществляется и воспринимается нами в традиционных формах – устной, письменной и конклюдентной.

Между тем рассмотрение формы сделки, совершаемой при помощи электронных средств, только лишь в качестве разновидности письменной формы сделки является слишком узким толкованием исследуемой правовой категории. В соответствии с законодательством Республики Беларусь сделки могут совершаться устно или в письменной форме: простой или нотариальной (п. 1 ст. 159 ГК). Кроме того, законодательством допускается применение конклюдентных действий при совершении как устных (п. 2 ст. 159 ГК), так и письменных сделок (п. 3 ст. 404, п. 3 ст. 408 ГК). Очевидно, что информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы для совершения сделок в любой из указанных форм, начиная от устного соглашения по телефону (видеосвязи) и заканчивая удаленным нотариальным удостоверением сделки в системах электронного (цифрового) нотариата [10]. При этом повсеместное использование стационарных терминалов и мобильных приложений при заключении и исполнении договоров представляет собой ни что иное, как совершение устных и письменных сделок посредством конклюдентных действий.

Исследование вопроса о форме сделки, совершаемой при помощи электронных средств, было бы неполным без обращения к подходам, выработанным в зарубежном и международном праве. Например, в законодательстве Украины выбор сторон соглашения в пользу использования электронных средств отождествляется с письменной формой договора: «если стороны договорились заключить договор с помощью информационно-телекоммуникационных систем, он считается составленным в письменной форме» (абз. 2 ч. 2 ст. 639 ГК Украины). Однако чаще встречаются менее категоричные подходы. Так, «немецкий законодатель классифицирует волеизъявления, сделанные при помощи современных технических средств, и уравнивает правовое значение лишь некоторых с письменной формой, а именно – удостоверенных электронной цифровой подписью» [11, с. 155]. Аналогичный подход закреплен и в п. 2 ст. 78 ГК Республики Польша. В международном праве специфика применения электронных средств при заключении договора отражена посредством регламентации процесса использования электронных сообщений. При этом в ст. 9 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г. (Республика Беларусь не является участником) закреплено, что требова-

ние письменной формы договора считается выполненным путем представления электронного сообщения не во всех случаях, а только при условии, «если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования».

Следует согласиться с тем фактом, что составление «документа в электронном виде» (п. 1 ст. 161 ГК) есть один из возможных, но далеко не единственный способ совершения сделок при помощи электронных средств. Сегодня электронные средства используют при совершении сделок в любой из существующих форм. Представляется, что признание данного факта и закрепление в ГК основных особенностей совершения сделок при помощи электронных средств позволило бы снять имеющуюся неопределенность в исследуемом вопросе.

Причем внесение соответствующих дополнений в ГК должно носить системный характер и затронуть не только гл. 9 «Сделки» ГК, но и ряд других структурных элементов кодекса. Например, в литературе указывается на сложности в определении момента заключения «электронного договора» [12, с. 12], отмечается необходимость дифференциации правового регулирования порядка заключения и исполнения «договоров, выраженных в электронной форме» в зависимости от их субъектного состава и предмета [13, с. 354].

В связи с этим представляется целесообразным дополнение ГК:

статьей, закрепляющей общие правила совершения сделок при помощи электронных средств в устной и письменной форме (простой и квалифицированной), в том числе посредством конклюдентных действий;

отдельными положениями, содержащими специальные нормы о заключении и исполнении тех или иных договоров при помощи электронных средств.

В заключение следует отметить, что вопрос совершения сделок при помощи электронных средств сегодня не исчерпывается одним лишь определением их формы и порядка совершения. Внедрение в гражданский оборот смарт-контрактов, технологий искусственного интеллекта и иных технических решений ставит перед юридической наукой новые фундаментальные вопросы, в том числе вопросы определения правовой природы подобных «сделок» – юридически значимых действий, являющихся не только волеизъявлением человека, но и результатом работы компьютерного алгоритма.

Список использованных источников

1. Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая / Ю.С. Гамбаров. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлеви-ча, 1911. – Т. 1. – 793 с.
2. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К.П. Победоносцев. – СПб. : Тип. М-ва путей со-общения, 1880. – Ч. 3 : Договоры и обязательства. – 629 с.
3. Синайский, В.И. Русское гражданское право. Общая часть и вещное право / В.И. Синайский. – Киев : [Т.А. Касперский], 1914. – 330 с.
4. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 1998–2020. – Ре-жим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/>. – Дата доступа: 05.10.2020.
5. Ситдииков, К.Р. Особенности click-wrap соглашений в сфере электронной коммерции: сравнительно-правовой анализ России и США / К.Р. Ситдииков // Проблемы соврем. экономики. – 2019. – № 1. – С. 76–78.
6. Епифанцев, А.В. Современные электронные средства и формы сделок / А.В. Епифанцев, С.Н. Петров // Междунар. журн. гуманитар. и естеств. наук. – 2018. – № 4. – С. 260–263.
7. Филатова, Н.Ю. Совершение сделок с использованием электронной формы представления инфор-мации / Н.Ю. Филатова // Проблемы законности. – 2017. – № 136. – С. 40–55.
8. Ефимова, Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / Л.Г. Ефимова // Lex Russica. – 2019. – № 8. – С. 129–137.
9. Овсейко, С.В. Форма сделки: современные тенденции в развитии законодательства / С.В. Овсейко // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 5. – С. 62–65.
10. Нотариат XXI: глобальные тенденции и национальные решения [Электронный ресурс] / Белорус-ская нотариальная палата, 2020. – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/novosti-bnp/notariat-xxi-globalnye-tendentsii-i-natsionalnye-resheniya-news/>. – Дата доступа: 05.10.2020.
11. Татаркина, К.П. Форма сделок в гражданском праве России / К.П. Татаркина. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 264 с.

12. Еманова, Н.С. Момент заключения электронного договора розничной купли-продажи / Н.С. Еманова // Юрист. – 2016. – № 24. – С. 12–15.

13. Богустов, А.А. Электронная форма договора в национальном праве стран – членов ЕС (на примере законодательства Польши) / А.А. Богустов // Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2018. – С. 346–355.

Дата поступления в редакцию: 12.10.20

A.V. Voitul, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE THEORETICAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR DETERMINING THE FORM OF A TRANSACTION MADE BY ELECTRONIC MEANS

The article examines the issues of determining the form of a transaction made by electronic means. The thesis is argued that the use of electronic means is not a form of expression of the will of the person making the transaction. Based on the analysis of the provisions of the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries, international law and scientific approaches, proposals are made to improve the legal regulation of the use of electronic means for making transactions.

Keywords: expression of will, information and communication technologies, implicit actions, contract form, transaction form, electronic document.

УДК 347.28

А.А. Капитанова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: anastasiya9kap@mail.ru)

ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ НАЧАЛ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Освещается проблема соответствия преимущественных прав основным началам гражданского законодательства Республики Беларусь. Проанализированы точки зрения ученых-цивилистов, предлагается авторская научная позиция по данной проблематике.

Обосновывается вывод о том, что ограничение основных начал гражданского законодательства преимущественными правами не может рассматриваться как их нарушение при соблюдении следующих условий: преимущественные права установлены только на основании закона и в соответствии с Конституцией; механизм их реализации четко урегулирован; их установление оправданно с точки зрения баланса частных и общественных интересов; способствуют стабильности гражданского оборота и обеспечивают справедливость в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: преимущественное право, гражданские правоотношения, принцип равенства участников гражданских отношений, принцип свободы договора, принцип неприкосновенности собственности, принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений.

Действующее белорусское законодательство предусматривает целый ряд случаев наделяния субъектов гражданского права различными преференциями и преимуществами в осуществлении принадлежащих им правовых возможностей. Среди них ведущее место занимает правовой феномен преимущественных прав. В гражданском законодательстве Республики Беларусь под преимущественным правом следует понимать предусмотренную законом и ограниченную пресекательным сроком потенциальную возможность управомоченного лица реализовать предоставленное ему право в первоочередном порядке перед третьими лицами вступить в гражданское правоотношение, отличающуюся наличием специального способа защиты.

Многих ученых настораживает существование таких прав, так как они предоставляют некоторые привилегии участникам гражданских правоотношений. Так, еще Д.И. Мейер отмечал, что «история законодательства знакомит нас с привилегиями, которые приносят пользу лишь отдельному лицу во вред целому обществу» [1, с. 260]. Действительно, преимущественные права есть своего рода изъятия из принципов гражданского права. В связи с этим актуальной является